

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 75–83, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-75-83
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.221.18

Concepts of the Mental Sphere in K. L. Khetagurov's Works

Izeta V. Mamieva¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Folklore and Literature, Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (NOIHSS) — Affiliated Institution of Vladikavkaz Scientific Centre of the RAS (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Abstract

The article examines the cognitive opposition '*зонд / cleverness — æнæзонддзинад / stupidity*' represented by lexemes nominating human mental abilities in the poetry of K. Khetagurov, a classic of Ossetian literature. The research is based on the frequency scale of the vocabulary of *The Ossetian Lyre* (Osset. '*Iron Fandyr*') — a small collection of poems which programmed the poet's work as well as the history of the national literature in general. In the process of analytical investigation of the texts, the key words representing the mental sphere and composition of their semantic space have been identified. This space encompasses alongside with the 'encoding' lexeme — a basis word-form, all derivative words plus lexemes which have different system relations; to meet the requirements on the size of the article, predicates were reserved as a topic of special further research.

The paper aims to define content descriptions of the nominative field of the concepts '*зонд / cleverness — æнæзонддзинад / stupidity*'; to assess originality of the individual-authorial values they contain; and, finally, to give a systemic idea about properties and conformities to law of functioning of intellectual vocabulary in the author's poetic vocabulary.

In accordance with the defined goals, a comprehensive approach with the use of analytical methods of linguo-conceptual analysis coupled with methods of cognitive literary criticism have been applied.

Structuring components of the nominative field of the concept are implemented in the article according to the field principle: from a nuclear segment to periphery. But as distinguished from the classifiers accepted in linguistics and based on statistical methods, the hierarchy of inter-level interaction of conceptual units is ranked according to the degree of artistic meaningfulness and novelty of individual authorial representations of their basic descriptions. On the basis of multi-aspectual analysis of semantics of keywords and features of their functioning (etymologic characteristics, metaphorical and metonymic concept objectivization models, types of figurative and associative meanings, etc.) conclusions are drawn about the specificity of this fragment of K. Khetagurov's individual vision of the world, the sphere of human mental activities.

In particular, the cognitive parameters that form contents of the concept '*зонд / cleverness*' are as follows: motivation of ideological and spiritual leadership, creative potential of the mind, aspects of the age-related dynamics (uncontrollable reactions of youth consciousness, analytics, quickness of reaction in mature age, wisdom of old age), gender-marked characteristics, their social causality, etc. The concept '*æнæзонддзинад / stupidity*' in the poet's artistic vision of the world corresponds to as follows: good deeds should be accomplished with mind and reason; immobility of the mind is a factor of defeat; it is impossible to live only by mind and merits of ancestors; flight into 'reckless' fantasy is preferable to the

commonness of boring prudence. The constituents of classification signs are listed in the structure of both the concepts, as well as sphere and reasons of their display.

Complexity of texts with intentionally obscured message ('*That's it?*', '*The Reckless Shepherd*'), where lexemes 'зонд' and 'æppa' representing human mental functions are not explicitly opposed, hinders direct or unambiguous interpretations. The interpretation undertaken in the article turns to the biographical basis for the representation of the world, the tradition of setting 'normality' against 'madness' in the world literature.

Keywords: Kosta Khetagurov, concept, mind, foolishness, insanity, semantics, metaphorical model, interpretation.

В гуманитарных науках последних десятилетий активизируется интерес к художественному концепту как ментальной единице индивидуальной картины мира автора, отражающей существенные элементы структуры его мировосприятия и мировоззрения [Дзюба 2001; Орлова 2002; Тарасова 2004; Маняхин 2005; Митрофанова 2006].

Будучи «квантом структурированного знания» (З. Д. Попова), художественный концепт напрямую связан с идейно-тематическим уровнем произведения или совокупности произведений. Его анализ — не самоцель, а действенный способ углубленной интерпретации текста, дающий также возможность раскрытия внутреннего мира писателя, постижения того, как своеобразно аккумулируются в нем константы этнокультурной идентичности и универсальные ценности, в синтезе формирующие самобытные черты творческой личности.

Объектом исследования настоящей статьи являются концепты интеллектуальной сферы зонд ('ум') и æнæзонддзинад ('глупость') в лексико-фразеологической системе поэзии К. Л. Хетагурова на родном языке.

Предмет изучения — языковые и образно-метафорические средства и механизмы репрезентации указанных концептов.

Исследование осуществляется с опорой на шкалу частотности [Мамиева 2013: 491–510] лексики «Осетинской лиры» («Ирон фæндыр») — сборника стихотворений, имеющего программное значение в творчестве автора и в истории национальной литературы в целом.

Зонд и æнæзонддзинад, создавая в осетинской языковой картине мира, как, впрочем, и в любой другой, когнитивную оппозицию, определяют интеллектуальный потенциал человека: «Ум как способность понимать, познавать действительность, адекватно воспринимать окружающее и глупость как несоответствие обозначенной

норме издавна сопровождали человеческую коммуникацию» [Кириллова 2012: 4].

Надо сказать, что термину зонд, в категориях которого описывается ментальная деятельность осетина, в русском языке соответствует целый синонимический ряд: ум, разум, сознание, рассудок, благоразумие, интеллект. Возможно, столь очевидное различие в показателях лексической реализации концепта объясняется развитой в русской культуре традицией теоретического осмысления, в рамках которой «возникли многие устойчивые структуры представлений, научных знаний о внутреннем мире человека» [Корнилов 2003: 13].

Тем интересней исследовать «образ ума», воспроизводимый К. Л. Хетагуровым, внутреннюю, номинативно не выраженную, дифференциацию его смыслов, специфику образных интерпретаций.

Концепт æнæзонддзинад в речевой практике носителей языка, по сравнению с положительно маркированной частью бинарной оппозиции, вербализован предельно развернуто (æрра, æдылы, зондцух, цыбырзонд, æнæсæр, сæрхъæн, сæлхæр, сонтхæла, гуымыдза, хуырым, гъæла и пр.). При этом его содержание — 'отсутствие или недостаток ума' — наиболее часто определяется через такие когнитивные признаки структуры, как качество, свойство или характеристика лица. В прямом номинативном же значении, включающем абстрактные представления о безумии, сумасшествии, глупости и других явлениях ряда, концепт объективирован лексикой, входящей в неактивный класс имен. Это производные слова, созданные на базе языковых средств концепта зонд либо посредством прибавления отрицательно-префикса -æнæ и/или суффикса -дзинад с отвлеченным значением, который, заметим, не всегда органичен в структуре живого осетинского языка: [æнæ]зонд[дзинад], æдылы[дзинад], æрра[дзинад]. Примеча-

тельно и то, что из имеющегося множества имен концепта К. Хетагуровым использовано лишь несколько: наиболее интенсивно — *æppa* (8) ‘безумец’, ‘сумасшедший’; реже — *сонт* (4) ‘неразумный’, ‘взбалмошный’, ‘не достигший зрелого ума’, ‘сумасброд’; разово — *разг. сæлхæр* (1) ‘глуповатый’, ‘полоумный’, ‘дурень’, ‘шалый’.

Изучение концептов интеллектуальной сферы в творчестве поэта приобретает особую значимость в свете проблемы интеллигенции и народа, напряженно осмысливаемой общественно-философской и художественно-публицистической мыслью 80–90-х гг. XIX в., времени выхода в свет сборника «Ирон фандыр». Анализ стихотворений «Завет», «Раздумье», «Надежда», «Если бы!» позволил прийти к выводу об отражении в них различных состояний «критической мысли», обрисованных в народнической теории П. Л. Лаврова [Мамиева 2016а].

Онтология *ума* отображается автором в различных плоскостях:

- *физические параметры ума*. Процесс «отдачи долга» народу мыслится К. Л. Хетагуровым как творческий труд, направленный на пробуждение и развитие национального самосознания, отстаивание принципа социальной справедливости. В стихах острого социального звучания воспроизводятся картины нищеты и жестокой эксплуатации народных масс. Не удивительно, что референция концепта *зонд* в них отлична от конвенциональных аналогов. В народной фразеологии приняты количественные (больше / меньше) и «силовые» параметры ума (*Иуы зондаей дыууаейы зонд фылдæр у* ‘Два ума лучше, чем один’; *Зонд къæдзæхтæ фæлдахы* ‘Ум горы сворачивает’, *Зонд тыхы ахаста* ‘Ум силу снес’ и пр.); у поэта же — показатели линейного пространства ума, которое профилируется сочетанием субстантива *зонд* и прилагательного *цыбыр*: *Цыбыр — нæ зонд, мæгуыр — нæ зæрдæ* ‘Наш ум короток, бедно — наше сердце’ («Привет»). Прониминатив *нæ* ‘наш’ означает здесь коллективное «я» — очередной акцент автора на единстве с народом, от имени которого он обращается с приветственным словом к Пушкину как «высшему авторитету в искусстве слова» [Джусойты 1980: 245];

- *ум — поверхность*. Характеристика субъекта высказывания осуществляется через опредмечивание абстрактного понятия

зонд («Раздумье») путем уподобления его разума (мысли) поверхности, на которую можно встать (*Мæ зонд, мæ фæндыл нæ лæууы кæстæр* ‘Младший не следует моему уму’ [букв. не стоит на нем]). Предметная модель «разум → поверхность», скрытно апеллируя к ненадежности опоры под ногами, несет в себе информацию о необоснованности претензий героя на лидерство среди молодежи [Мамиева 2016а];

- *метафоризация творческого разума*. В художественной картине мира К. Хетагурова интеллектуальное творчество атрибутировано через детали труда пахаря («Надежда»). Идея подвижнической деятельности во благо народа объективируется автором корреляцией метафорических образов плуга и быков, «поэтических ассоциатов умственной деятельности», и песенно-сказительских слов-семян, бросаемых в сердца и умы соотечественников [Мамиева 2014а: 130]. Подобное понимание цели творчества формирует в «Ирон фандыре» мировоззренческую модель пространства-времени, в котором мыслящий субъект оценивает свои намерения и действия с позиций духовно-личностных обязательств перед современниками, но также — перед предками и потомками («Желание»).

Итак, разнообразные способы манипулирования физическим объектом, с которым ассоциируется концепт *зонд*, репрезентируют в поэзии автора культурно обусловленные идеи просветительства об огромной важности разума, о предпочтении материальным ценностям духовно-интеллектуальных накоплений. Наряду с этим в ней органичное отражение нашли элементы традиционной культуры осетин. Изучение концептосферы «Ирон фандыра» содержит хорошую возможность для воспроизведения ментальной картины мира хетагуровской эпохи: свода знаний и представлений о нормах поведения, ценностных предпочтениях, этнических стереотипах [Мамиева 2014б: 113].

- *гендерный аспект ума*. Как известно, у многих народов мира, у осетин в том числе, мужской ум, в противовес женскому, считался более развитым, расчетливым, здравым. Стереотипное мнение о низких интеллектуальных способностях женщины замечательно обыграно в плаче-укоризне вдовы из «Матери сирот». Концепт *зонд* профилируется здесь признаком ‘состязательность’, оттеняющим трагизм судьбы

участников лирического события: «Видно, муж мой милый, / Ты жены умней [букв. одолел умом], – / Что бежал в могилу / От семьи своей!..» (пер. Б. Иринина). Гендерные отличия, приписываемые уму, отразились и в обрисовке безответственных поступков мачехи, пустившей пасынка по миру («Кто ты?»). Абсурдности женской логики в поэме — «указ» даже детский ум: «Жена погрузила / И вскоре потом / Продать поспешила / И землю и дом. / Проела и — крышка. / Ведь взрослым видней! / Как мог я, мальчишка, / Указывать ей!» [букв. учить уму] (пер. Л. Озерова);

- *возрастной аспект ума*. Оригинальная авторская интерпретация концептосферы *возраст* — одной из базовых универсалий любой культуры мира; ядерные понятия ее — молодость, зрелость и старость — в поэтическом дискурсе «Ирон фандыра» различно коннотированы. В стихотворной сказке «В пастухах» концепт *зонд* социально окрашен. Быстроту реакций демонстрирует батрак, одержавший в словесной дуэли из загадок-разгадок блестящую победу над хозяином-циклопом. При этом параметры концепта *зонд* ('живость ума', 'находчивость', 'смекалка', 'образное мышление') расширяются за счет показателя «сила и магия слова»: в финале завуалированным проклятием батрак обращает великана в каменную глыбу. Понятия *юность* и *старость* репрезентированы на контрастной основе. Сумасбродное поведение, непродуманность поступков в безумном возрасте маркированы лексемой *сонт* («Взгляни!..», «Без пастуха», «Кто ты?», «Кому что...»). Нестабильность сознания юноши в состоянии влюбленности концептуализируется через артефактную модель *карусель* → *сар* (голова), объективируемую признаком 'кружение'. В поэме «Хетаг» голова как вместилище ума, наоборот, имеет позитивную коннотацию; представлению о старости как источнике мудрости способствует удивительная находка автора, это — искрящее экспрессией народное речение (*Йа мад амела, уастаен, заронд саран!* 'Ай да лишиться ей, старой голове, матери!'), формирующее антропоморфную модель *человек* → *сар*;

- *ум — вещество*. В высказываниях осетин об уме чаще всего активизируется такое его свойство, как способность заполнять пространство, быть содержимым некоторого физического объекта: *Йа сары зонд наей [фацыды]* 'В его голове ума нет

[ушел]'; ...*йа кьахы алгы [йа заветы]* *цы зонд ис, уыйбарт [иннаей]* *сары наей* 'в его голове нет столько ума, сколько [у другого] на кончике пальца ноги [в пятке]' и пр. Образ достойного восхищения ума в поэме «Хетаг» обрисован через посредство артефактной метафоры *расплавленная сталь* (*Ахем бахъуыды ран зонд кам ахсиды!..* 'Вовремя ж разум в ней [в голове] закипает!..'). Позитивная оценка возможностей ума заложена уже в самом контексте, отсылающем нас к мотиву эпической закалки. Компонент огонь, поддерживающий метафору 'особой термической обработки металла', содействует «укрупнению» такого важного качества интеллекта, как «кипучее» генерирование идей по разрешению сложных ситуаций. Температурные характеристики присутствуют и в упомянутой выше сказке, но они, напротив, апеллируют к признаку 'невоздержание к спиртному' (*Артау сыгъд йа сар* 'Голова пылала, как в огне'), сводя мыслительные усилия великана, глупого по определению, практически к нулю. Когнитивная модель *ум — вещество* представлена здесь натуроморфной метафорой *скала* → *зонд*, иронический подтекст которой («умом — скала») актуализацией значений 'твердокаменность', 'неподвижность' профилирует умственную неповоротливость циклопа.

Концепт *аензонддзинад* активно разрабатывается автором в произведениях мифолого-сказочного и басенно-притчевого плана. Особенность его объективации — в использовании приема имплицитной переадресации признака 'отсутствие здравого смысла'. В одном случае это проецирование понятий *арра*, *сархар* на других участников сюжетного события с целью создания комического эффекта («Постник», «Гуси», «Всати»). В другом — всего лишь «санкционированное» этикетом ироничное обращение старшего к младшему («Мужчина или женщина?»). В основе ряда сюжетов лежит мотив состязания умов. Это — сюжеты стихотворения-сказки «В пастухах», а также басни «Редька и мед», «Ворона и лисица», «Волк и журавль», «Гуси», «Олень и еж», «Лиса и барсук», в последних оппозиция «ум — глупость» не вербализуется эксплицитно [Мамиева 2016б]. Идея антинормы заложена также в фактурной истории о клептомане, в ком болезненная страсть приняла абсурдную форму обкрадывания самого себя («Привычка»).

Отдельного внимания к себе требует поэтический контекст, в котором лексемы *зонд* и *аерра* как репрезентанты умственных функций человека не всегда четко противопоставлены друг другу, а само содержание произведения не располагает к прямолинейной либо однозначной трактовке. В этом ряду — стихотворение «Безумный пастух», рассмотренное нами в аспекте темы «высокого безумия» [Мамиева 2016б]. Выбранный интерпретационный ракурс позволяет провести парадоксальные на первый взгляд параллели между пастухом-мечтателем с его нерассуждающим порывом (прыжок в бездну) и лирическим героем четверостишия «Что это?», *alter ego* самого автора. «Счастье... О чем я, безумец, мечтаю?... / Где в наше время счастливец найдем? / Нет, не о счастье я к Богу взываю... / Друг мой, о чем?» (пер. С. Олендера) — сложность прочтения текста, созданного в жанре стихотворения-вопроса, усугубляется тем, что его намеренно затемненный смысл еще ни разу не подвергался истолкованию. Памятуя о фольклорной оппозиции *счастье* — *ум* в осетинской сказочной традиции и в паремнологической системе («Ума носитель — счастья даритель», «Ум мир взял в полон» и пр.), можно было бы в качестве отгадки остановиться на категории *разума* как просветительской альтернативы современным автору принципам жизнеустройства. Но внутренняя экспрессия, сокрытая за констатацией вынужденного смирения, да и история самого стихотворения (автограф содержится в письме поэта к А. Цаликовой [Хетагуров, 3 1974: 329]) и его датировка (отослано накануне освобождения К. Хетагурова из херсонской ссылки) придают мысли иное направление. Очевидно, самоименование *аерра дæн* является реакцией на наступившее в 90-е гг. XIX в. разочарование в просветительских упованиях на торжество Разума. Внимание северокавказских деятелей в этот период, как мы знаем, переориентировано на поиск новых «проекций будущего» для горного края. Так не есть ли осознание героем К. Л. Хетагурова невозможности достичь счастья в «нынешней» реальности прямая отсылка к указанным процессам? В сложившейся ситуации у Бога выпрашивается «нечто другое». Речь идет, как мы полагаем, о несбыточной «синтетической» мечте поэта — идеальном пределе концепта *свобода*, атрибутируемого двумя, корреляционно зависимыми, признаками:

‘получение личной свободы’ (отмена ссылки и встреча с возлюбленной) и ‘обретение народом единства и свободы воли’ как залог его успешного будущего. Первый когнитивный признак находит подтверждение в посланных А. Цаликовой в том же письме стихах («В новогоднюю ночь»), интонационная доминанта которых — тоска по дорожному сердцу человеку. Понятийная сущность второго определяется содержанием и строем произведений «Ирон фандыра» в целом.

Таким образом, *ядерный слой* номинативного поля изучаемых концептов составили ключевые слова *зонд*, *аерра* и их синонимы, в том числе контекстуальные (*сар*, *сонт*, *салхар*). В *приядерную зону* отнесены нами лексема с корневой морфемой ключевого слова *зондамонæг* (1) ‘наставляющий на ум’ («Будь мужчиной») и его метафорические синонимы *цырагъдар* (1) ‘державший свечу’ — *перен.* ‘источник света, просвещения’ («У гроба»), *динамонæг* (1) ‘проповедник’ («Хетаг»), реализующие семантику ‘интеллектуальное духовное наставничество’. *Ближняя периферия* представлена дополнительными признаками, формируемыми метонимическим сдвигом, в результате которого на первый план выдвигаются не сами умственные способности, а ментальный продукт, полученный в процессе их активизации:

- лексика со значением мыслительного процесса: *сагъæс*, *сагъæссаг* (7) ‘горькая дума’. Особую роль этого понятия в концептосфере автора подчеркивает прием позиционной акцентуации: использование в подзаголовке книги («Думы сердца...»), в названии стихотворения, в составе концептуальной метафоры «думы отчизны — собранный по осени урожай». Содержание образа-концепта *сагъæс* включает также тоску одиночества и робких неосуществимых желаний («Прощай!...»), обеспокоенность препятствиями на пути к личному счастью («Кто ты?»); создает своеобразную шкалу эмоций: скорбь солдатской матери по сыну («Солдат»), жителей аула — по безвременно ушедшему из жизни всеобщему любимцу («На кладбище»), народа — по невозполнимой утрате «светоча его жизни» («У гроба»); функционально значимы также лексемы *хъуыдыйаг* (1) ‘что-л., требующее осмысления’ («Пойманная птичка»); *æмбаргæ* (1) ‘разумный’, ‘понятливый’, ‘толковый’ («Кубады»); семантика оценоч-

ного атрибутива в последнем примере призвана оттенить антагонизм творческого и рационального начал в характере героя как следствие оппозиции «природное — социальное»;

- лексика со значением результатов мыслительной деятельности, отражающих степень адекватности знания реальному положению вещей. Данный вид знания, профилируя признак ‘уверенность (либо отсутствие твердой веры) в ком-л. или в чем-л.’, вербализуется словоформами *æууæнк* (1) ‘доверие’ («Хетаг»); *зæрдæууæнк* (1) ‘сердечное доверие’ («В новогоднюю ночь»); *æууæнкагæй* (1) ‘в знак доверия’ («Тревога»).

Учитывая интегративную сущность ментальной деятельности человека, включим в состав номинативного поля *зонд* и лексику *дальней периферии*, представленную следующими признаками:

- воображение: *сæнттæ* (2) ‘мечты’, ‘грезы’, *бæллын* (2) ‘мечтание’, ‘стремление’. На шкале жизненных ценностей автора этому показателю отведено принципиально важное место; он реализуется, в частности, в значениях ‘полет фантазии’, ‘безудержное стремление к свободе’ («Кубады»), ‘мечта влюбленного’ («Прощай!...», «Кто ты?»);

- воля, намерения, желания. Данные понятия, сопряженные со способностью принимать решения на основе мыслительного процесса, трактуются в аспекте свободы осознанного выбора. Концептуальные характеристики объективируются антонимическими парами: *барæй* (3) ‘по своей воле’, ‘намеренно’, ‘умышленно’ («Тревога», «Мужчина или женщина?»), «В пастухах» — *æнæбары* (1) ‘невольно’ («Хетаг»); *фæнд* (3) ‘замысел’, ‘намерение’, ‘желание’ — *барынвæнд* (1) [*бар+æмвæнд*]: первая из этих лексем реализует идею единомыслия в ситуациях различного уровня значимости: субъективно-личных («Хетаг»), семейных («Кто ты?»), общественных («Дума»); вторая семантизирует преступный сговор властей против народа («Солдат»). Осознанное проявление тех или иных желаний и их оценку содержат также дериваты слова: *фæндиаг* (3), *фæндон* (1) ‘желанный’, ‘соответствующий желанию’ («Завет», «Надежда»), *фæндонæй* (1) ‘добровольно’ («Тревога»);

- вера, уверенность, надежда. Концептуальные признаки данных понятий детализируются лексемой *ныфс* с большим диапазоном значений: ‘твердость духа’,

‘отвага’, ‘решимость’, ‘уверенность’, ‘надежда’ [Абаев, 2 1973: 195]. В осетинской паремиологии *ныфс* предстает как очень важное качество человека, взаимодействующее с его разумом на паритетных началах и даже генерирующее его интеллектуальные способности («Без твердости духа / надежды ум — в спячке», «Отвага / надежда и ум союзники», «Где ум впереди идет, где — надежда»). У К. Л. Хетагурова понятийный смысл слова *ныфс* (2) более приближен к значениям ‘упование’, ‘уверенность’ («Тревога», «Надежда» и пр.). Рамочная композиция стихотворения, где лексема *ныфс* выступает в сильной позиции — в заглавии, основана на повторении учтивой просьбы не принимать близко к сердцу сыновний нрав. Заметим, что понятие *зæрдæйы конд* ‘нрав сердца’ в составе этой индивидуально-авторской фразеологии предпочтительней переводить как ‘склад ума’, поскольку аргументация говорящего апеллирует, прежде всего к разуму, а не к чувству. Идея торжества интеллекта скрытно заложена уже в самой организации гипотетической полемики отца и сына, носителей разных мировоззренческих установок. Синонимический ряд с *ныфс* создает также отглагольное гнездо лексем: *æнхъæлæджы* (1), *рæстæнхъæл* (1), *æнхъæлдзау* (1) — со значениями ‘без надежды на что-л.’ («Лиса и барсук»), ‘в надежде’ — на счастье в жизни («Пропади!...»), на справедливые формы государственного правления («Тревога»).

Итак, в процессе изучения текстов «Осетинской лиры» нами было очерчено номинативное пространство концептов умственной сферы в осетинской поэзии К. Л. Хетагурова. Проведен разноаспектный анализ семантики ключевых слов и их смысловых эквивалентов на уровне этимологической составляющей, образно-ассоциативных, аллегорико-мифологических значений, метафорических и метонимических моделей репрезентации концепта. Периферийные звенья номинативной структуры, образуемые на стыке познавательных функций психики человека и функций оперирования мыслью, добавили в воспроизводимые нами фрагменты авторской картины мира дополнительные характеристики, элементами которой предстали такие существенные признаки, сопутствующие уму, как воображение, воля, вера, уверенность, интуиция и пр. Выделены следующие когнитивные параметры, формирующие содержание концепта *зонд*:

- просветительская мотивация идейно-духовного лидерства («Дума», «Если бы!..», «Желание», «У гроба»); творческий потенциал ума («Надежда»); наставительные функции («Будь мужчиной»);

- блеск и динамизм разума-триумфатора: социальный аспект («В пастухах»); находчивость и острота реакций в быту («Лиса и барсук», «Олень и еж»); ум на службе корыстной хитрости («Ворона и лисица»);

- возрастные характеристики: неконтролируемость действий юношеским сознанием («Кто ты?»); аналитизм зрелого ума («Хетаг»); старость как источник мудрости («Мужчина или женщина?»);

- гендерно-маркированные референции («Кто ты?», «Мать сирот»);

- социальные ограничители («У гроба»).

Данные когнитивные признаки классифицируются в структуре художественного концепта *ум* по следующим направлениям:

- *составляющие* (харизматичность, востребованность, благородство, сила и острота ума);

- *сфера проявления* (перед народом, последователями, в полемике с противником);

- *причина проявления* (идея «оплаты долга» народу, для выхода из сложной ситуации, для достижения корыстных целей, остроумное парирование нелепых утверждений).

Концепту *аеназонддзинад* в художественной картине мира поэта соответствуют следующие представления:

- абсурдность действий («Привычка»);
- неумение увязывать желания с возможностями («Мышь и заяц»);

- творить добро нужно с умом («Волк и журавль»);

- нельзя жить чужим умом и заслугами («Гуси»);

- неподвижность ума — фактор поражения («В пастухах»).

Классификационные признаки детализируются в направлениях:

- *составляющие* (отклонение от норм поведения, простодушие, тупое самодовольство, необоснованные претензии);

- *сфера проявления* (природа, вымышленный «притчевый» мир зверей и птиц; проекция сказочно-мифологической ситуации на реальные социальные отношения, внутренняя рефлексия);

- *причина проявления* (желание помочь либо навредить, пагубная привычка, непродуманность действий, изживенчество).

Особо значим в объективации концепта прием несостоятельности именований. Употреблением характеристики *æрра* «не по назначению» высмеиваются, например, притязания осетинских *алдаров* на дворянское звание («Гуси»), изъязыны характера («Постник»), проводится социально ориентированная идея одаривания человека сообразно его достоинствам («Всати»), реализуется семантика необходимого снисхождения старшего к младшим по возрасту («Мужчина или женщина?»). Важный нюанс связан с интерпретацией *æрра* в поэтико-философском ключе: «безумие» как высокое состояние духа, как протест против времени и среды («Что это?»), против обыденности скучного здравомыслия («Безумный пастух»).

Итак, сфера мыслительной деятельности в художественной картине мира К. Хетагурова отражена разносторонне и ярко. Структура оппозиции *зонд* — *аеназонддзинад* предстает как многоуровневый конструкт, в котором в гармоничном единстве представлены: 1) культ разума в просветительно-народнических представлениях; 2) ментальные нормы и стереотипы традиционного сознания осетин; 3) индивидуально-авторские значения, реализованные в окказиональной метафорике, через трактовку понятий «нормальности» и «безумия» в русле традиции мировой литературы, актуализированной в творчестве поэта под воздействием новой парадигмы просветительской мысли 80–90-х гг. XIX в. на Северном Кавказе.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука: Ленингр. отд-е, 1973. 448 с.

Дзюба Е. В. Особенности содержания концепта «ум» в языке Древней Руси // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 175–187.

Джусойты Н. Г. История осетинской литературы: Дооктябрьский период. Кн. I (XIX век). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 332 с.

Кириллова И. В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции УМ-ГЛУПОСТЬ в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 22 с.

- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Мамиева И. В. Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 510 с.
- Мамиева И. В. Художественный концепт *zærdæ/serdce* и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К. Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сб. мат-лов Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014а. С. 127–145.
- Мамиева И. В. «Осетинская лира» К. Л. Хетагурова как отражение национального образа мира // Перспективы и особенности интеграционных процессов Северной и Южной Осетии: Мат-лы Межд. конф. Владикавказ: ВНЦ РАН и РСО-А, 2014б. С. 109–116.
- Мамиева И. В. Лавровский «след» в осмыслении К. Л. Хетагуровым проблемы интеллигенции и народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016а. № 3. С. 209–217.
- Мамиева И. В. Номинативно-метафорическое поле концептов *ум* и *безумие* в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // Миллеровские чтения: «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». 2016б. № 5. С. 429–438.
- Маняхин А. В. Концепты «дух», «душа», «сердце» в лирике Е. Боратынского: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 187 с.
- Митрофанова О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
- Орлова О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта *язык* в лирике И. Бродского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.
- Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 484 с.
- Хетагуров К. Л. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. Статьи. Письма. М.: Худож. лит-ра, 1974. 400 с.
- Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki (Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts), 2010, No. 3 (79), pp. 175–187 (In Russ.).
- Dzhusoyty N. G. *Istoriya osetinskoy literatury: Dooktyabr'skiy period. Kn. I (XIX vek)* [History of Ossetian literature: the pre-October period. Book 1 (19th c.)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1980, 332 p. (In Russ.).
- Kirillova I. V. *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika kognitivnoy oppozitsii UM-GLUPOST'' v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Linguo-culturological specificity of the cognitive opposition 'WIT — STUPIDITY' in the Russian linguistic world-image: a Ph. D. thesis abstract], Nizhny Novgorod, 2012, 22 p. (In Russ.).
- Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic world-images as derivatives of national mindsets]. Moscow, CheRo Publ., 2003, 349 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Poeticheskaya vseennaya K. L. Khetagurova v slovarnom izmerenii («Osetinskaya lira»)* [The vocabulary dimension of K. Khetagurov's poetic universe ('The Ossetian Lyre')]. Vladikavkaz, Publ. Center of North-Ossetian Inst. for Humanit. and Social Studies (Vladik. Sc. Center of the RAS and North Ossetia-Alania), 2013, 510 p. (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Khudozhestvennyy kontsept zærdæ/serdise i ego leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya v poezii K. L. Khetagurova* [The artistic concept 'zærdæ/heart' and its lexical-semantic representation in K. Khetagurov's poetry]. *Kosta i mirovoy istoriko-kul'turnyy protsess. Sb. mat-lov Mezhdunar. konf., posvyashch. 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. L. Khetagurova* [Kosta and the world historical and cultural process. Proc. of the Internat. conf. celebrating K. Khetagurov's 155th anniversary]. Vladikavkaz, Publ. Center of NOIHSS (VSC of the RAS and NOA), 2014а, pp. 127–145 (In Russ.).
- Mamieva I. V. «Osetinskaya lira» K. L. Khetagurova kak otrazhenie natsional'nogo obraza mira ['The Ossetian Lyre' by K. Khetagurov as a reflection of the ethnic view of the world]. *Perspektivy i osobennosti integratsionnykh protsessov Severnoy i Yuzhnoy Osetii: Matly Mezhd. konf.* [Prospects and Peculiarities of Integration Processes between North and South Ossetia: proc. of the internat. conf.]. Vladikavkaz, VSC of the RAS and NOA Press, 2014b, pp. 109–116 (In Russ.).

References

- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. II* [A historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 448 p. (In Russ.).
- Dzyuba E. V. *Osobennosti sodержaniya kontsepta «um» v yazyke Drevney Rusi* ['Mind' concept peculiarities in the language of Old Rus].

- Mamieva I. V. *Lavrovskiy «sled» v osmyslenii K. L. Khetagurovym problemy intelligentsii i naroda* [P. L. Lavrov's Trace in K. L. Khetagurov's Understanding of the Intelligentsia and People's Problems]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016a, No. 3, pp. 209–217 (In Russ.).
- Mamieva I. V. *Nominativno-metaforicheskoe pole kontseptov um i bezumie v fol'klornykh syuzhetakh «Osetinskoy liry» Kosta Khetagurova* [The nominative and metaphorical field of the concepts 'mind' and 'insanity' in folklore plots of 'The Ossetian Lyre' by Kosta Khetagurov]. *Millerovskie chteniya: «Vs. F. Miller i aktual'nye problemy kavkazovedeniya»* [Miller Readings: V. Miller and the actual problems of Caucasus Studies], 2016b, No. 5, pp. 429–438 (In Russ.).
- Manyakhin A. B. *Kontsepty «dukh», «dusha», «serdtse» v lirike E. Boratynskogo: diss. ... kand. filol. nauk* [The concepts 'spirit', 'soul', 'heart' in Ye. Baratynsky's lyrics. A Ph. D. thesis]. Tambov, 2005, 187 p. (In Russ.).
- Mitrofanova O. I. *Bazovye kontsepty russkoy mental'nosti v poeticheskom yazyke P. A. Vyazemskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The basic concepts of Russian mentality in P. Vyazemsky's poetic language: a Ph. D. thesis abstract]. Kazan, 2006, 22 p. (In Russ.).
- Orlova O. V. *Kommunikativnye aspekty leksicheskoy reprezentatsii kontsepta yazyk v lirike I. Brodskogo: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Communicative aspects of lexical representation of the concept 'language' in J. Brodsky's lyrics]. Tomsk, 2002, 22 p. (In Russ.).
- Tarasova I. A. *Poeticheskii idiosstil' v kognitivnom aspekte: diss. ... d-ra filol. nauk* [A cognitive aspect of individual poetic styles. A Ph. D. thesis]. Saratov, 2004, 484 p. (In Russ.).
- Khetagurov K. L. *Sobr. soch.: V 3-kh t. T. 3. Stat'i. Pis'ma* [Collected works: in 3 vol. Vol. 3. Articles. Letters]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1974, 400 p. (In Russ.).

УДК 821.221.18

КОНЦЕПТЫ УМСТВЕННОЙ СФЕРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Л. ХЕТАГУРОВА

Изета Владимировна Мамиева¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал Владикавказского научного центра РАН (СОИГСИ ВНИЦ РАН) (Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: dzirasga@mail.ru.

Аннотация. В статье под углом зрения когнитивной оппозиции *зонд* — *аеназонддзинад* рассматриваются лексемы, номинирующие умственные способности человека в поэзии К. Л. Хетагурова. С опорой на шкалу частотности сборника «Осетинская лира» выделены ключевые словаре-репрезентанты ментальной сферы, состав их семантического пространства, в которое, помимо базовых словоформ, включены в деривационный ряд слова, а также лексемы, состоящие с ними в разного рода системных отношениях; исключение составили предикаты, ввиду ограниченности объема статьи отсеченные нами в самостоятельную тему для исследования.

Цель работы — определить содержательные характеристики номинативного поля указанных концептов; выявить самобытность вкладываемых в них индивидуально-авторских значений; в конечном итоге, дать системное представление о свойствах и закономерностях функционирования интеллектуальной лексики в поэтическом вокабулярии автора.

Использован комплексный подход к объекту изучения с применением аналитического аппарата лингвоконцептологии и методов когнитивного литературоведения в ракурсе идейно-философских аспектов интерпретации концептов *зонд* — *аеназонддзинад*.

На основе разноаспектного анализа семантики ключевых слов и особенностей их функционирования (этимологические характеристики, метафорические и метонимические модели объективизации концептов, типы образно-ассоциативных значений) делается вывод об особенностях фрагментов индивидуальной картины мира Коста Хетагурова, касающихся сферы умственной деятельности человека.

Ключевые слова: Коста Хетагуров, концепт, ум, глупость, безумие, семантика, метафорическая модель, интерпретация.